

Шалтай VS iSHALT

Из архива профессора О.О. Гендервумана

У.Я. Полуэктович

Стихи Самуила Маршака... Для многих из нас они в детстве стали первым прикосновением к миру поэзии. Сколько малышей в гнетущие годы советского режима воодушевляли и поддерживали их персонажи: Мистер Твистер, Рассеянный с улицы Бассейной, Джек, который построил Дом, Крокодил Гена.

Прошло время. Бывшие дети защитили кандидатские и докторские диссертации, круг их чтения заметно расширился, однако знакомые с детства строки не забылись и по-прежнему, как выражались когда-то, «нам строить и жить помогают».

И не только нам. Некоторые стихи Маршака удостоились перевода на иностранные языки. Помните, например, это произведение, вошедшее в золотой фонд детской поэзии?

Шалтай-Болтай
Сидел на стене.
Шалтай-Болтай
Свалился во сне.
Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может
Шалтая,
Не может
Болтая,
Шалтая-Болтая собрать!

А вот это стихотворение в переводе на английский (атрибутировать перевод не удалось):

Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall,

All the king's horses,
All the king's men,
Couldn't put Humpty Dumpty together again.

Вроде бы, похоже. И все же что-то в сознании противится, что-то препятствует рецепции этого текста как перевода...

Попробуем отрефлексировать это «что-то».

Начнем с идентификации протагониста. Этимология антропонима «Шалтай-Болтай» устанавливается без труда. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля глагол *шалтать* (*шалтыхать*) дефинируется как «болтать, молоть, лепетать, о малых детях». Уточняющим идентификатором ассоциативного поля можно считать содержащуюся в этом же словаре лексему *шалтун* (*шалтунишка*, *шалтышка*, *шалталка*): «ребенок, начинающий говорить». Таким образом, антропоним недвусмысленно отсылает нас к концепту «детство». (С учетом этого концепта попытки «всей королевской конницы, всей королевской рати» реанимировать разбившегося в результате падения со стены ребенка можно рассматривать как сатирическую аллюзию на идеологему «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»).

Что же мы имеем в переводе?

Образ, складывающийся из семантических компонентов слов, к которым возводится этимология антропонима

Humpty Dumpty (*hump* и *dump*), нисколько не напоминает малое дитя. Это нечто горбатое (*hump* – «горб»), похотливое (сленговое значение глагола *to hump* – «вступать в половую связь»), нечистоплотное (*dump* – «свалка», «куча мусора») и притом с подозрением на криминальный бэкграунд (одно из значений слова *dump* в американском уголовном аргументе – «тюрьма»).

Такую брутализацию исходного концепта можно было бы только приветствовать как стремление выйти за рамки парадигмы «невидимости» переводчика, однако ровно после этого в переводе начинает превалировать стратегия доместикации. Она манифестируется, в частности, в передаче сочетания «вся королевская конница» как “all the king’s horses”. *Лошадь*, предпринимающая попытку оживить *человека*, – несомненно отголосок классической традиции английского нонсенса, отчего стихотворение Маршака в переводе приобретает атрибуты привычной англоязычному читателю жанровой категории *nursery rhymes*. Та же доместицирующая тенденция заметна и в передаче сочетания «вся королевская рать»: тут наблюдается интертекстуальная перекличка с названием известного романа Р.П. Уоррена “All the King’s Men”. Таким образом, в переводе имеет место откровенно мейн-стримовская адаптация инокультурного материала.

Подведем итоги. В оригинале – ироничный комментарий к социальной действительности, скрытый за, казалось бы, нехитрой формой детского стишка. В стилистике автора заметны явные народнические мотивы (не случайно обращение к классическому словарю Даля как к некоему протодискурсу, матрице архетипов). Лирична концовка с элегантно переходом на настоящее историческое время («не может...»): автор как бы сменяет рассказ показом, но, не

завершая показ, переходит с крупного плана на общий, за которым следует фейд-аут. Саспенс не разрешается катарсисом, а как бы растворяется в атмосфере вместе с доброй улыбкой и усами товарища Сталина (вспомним бессмертную «Алису» Демуровой).

В переводе – упрощение полифоничности, утрата смыслов, разложение алхимии оригинала на простые составляющие. Интересная, хотя и неоднозначная попытка в завязке заострить социальный клэш и резче проявить эротическую подоплеку оригинала (в котором она парадоксально представлена утрированной советской гомогендерностью, детской бесполостью) мгновенно сменяется бессильной уступкой всепожирающим нормам переводящего английского языка с его империалистическим пренебрежением к специфике потребляемых «колониальных» культур. Избитые приемы нонсенса, однозначная, перенесенная в план прошедшего времени концовка, упрощение ритмики – так обошелся неизвестный (случайно ли?) английский переводчик с этим иконическим произведением советского псевдодетского андеграунда.

Мы предлагаем свою версию перевода «Шалтая-Болтая», которая представляет собой образец постколониального переводческого дискурса и позволит англоязычному читателю в полной мере, без доместикационного пресидижитаторства, оценить всю прелесть культового произведения нашего детства.

Shalty-Balty
On a wall dwelled.
Shalty-Balty
In his sleep fell.
All the cavalry
And the troops of the king
Cannot fix
Shalty,
Cannot fix
Balty,
Can't assemble the poor thing!